

Эллинизмъ и христіанство.

(Продолженіе).

5. Въ связи съ общимъ воззрѣніемъ Лукіана на религію стоитъ и его взглядъ на христіанство. Разсматриваемыя сами по себѣ въ ихъ данномъ наличномъ содержаніи свѣдѣнія, сообщаемыя Лукіаномъ о христіанахъ, кратки, точны и допускаютъ полное, исчерпывающее вопросъ историческое объясненіе. Но такъ какъ въ современной наукѣ возникли болѣе или менѣе обоснованныя попытки доказать не только личное знакомство Лукіана съ библейскими памятниками и первоначальной церковной письменностью, но и воздѣйствіе этихъ христіанскихъ произведеній на груди самого Лукіана, то для полного восстановленія отношенія Лукіана къ христіанству необходимо разсмотрѣть всѣ эти попытки и дать имъ научную оцѣнку. Наиболѣе интереса привлекаетъ къ себѣ параллель между эллинизмомъ и христіанствомъ, наблюдаемая въ разказѣ о городѣ добродѣтели. „Я представляю себѣ добродѣтель“ говоритъ онъ (Лициніи) ¹⁾ „въ видѣ города, всѣ жители котораго блаженны и въ высшей степени мудры, благородны, освободившіеся отъ страстей,—короче, стоящіе не далеко отъ божественнаго совершенства. Что у насъ является обычнымъ въ житейскомъ обиходѣ: воровство, насиліе, предубѣжденія всякаго рода,—все это чуждо тѣхъ людей: они всѣ живутъ въ глубокомъ мирѣ и согласіи. Ихъ вниманіе направляется не на богатство, удовольствія и почести,—всѣ эти вещи, какъ излишнія, они изгнали изъ города и ведутъ безмятежную и счастливую жизнь въ прекрасномъ порядкѣ, въ

¹⁾ Псевдонимъ Лукіана.

говольствѣ свободы, равенства и всѣхъ остальныхъ благъ. Туда долженъ стремиться каждый, пренебрегая всѣмъ остальнымъ. И кто хочетъ оставить свое отечество, тотъ не долженъ возвращаться вспять; если кого родители и дѣти со слезами умоляютъ остаться дома, то онъ не долженъ обнаруживать никакого мягкосердія, а напротивъ требовать, чтобы и они вступили въ такое же путешествіе: въ случаѣ же неудачи, пусть онъ отвергнется ихъ и прямо идетъ ко отечеству своего блаженства, и даже пусть онъ смѣшетъ свою одежду, коль скоро она препятствуетъ быстрому движенію его на пути и, если онъ явится туда нагой, никто не убоится его.—Нѣсколько годовъ тому назадъ я слышалъ разсказъ одного стараго мужа, какъ обстоитъ дѣло въ этомъ городѣ. Онъ населенъ пришельцами и иностранцами: туземныхъ—рожденныхъ въ этомъ городѣ—не существуетъ. Граждане его слагаются изъ всѣхъ странъ и всякаго рода: варваровъ, рабовъ, горбыхъ, карликовъ, ищихъ ¹⁾). Правъ гражданства достигаетъ всякій, кто только желаетъ этого. Тамъ узаконено, что при воспріятіи въ члены общества не взирать ни на имущество, ни на богатство, ни на высоту положенія, ни на красоту, ни на связи, напротивъ, всѣ эти отношенія въ ихъ сужденіи не имѣютъ никакого смысла: чтобы стать тамъ гражданиномъ достаточно быть мужемъ разумнымъ, дѣятельнымъ и настойчивымъ, носить въ своемъ сердцѣ любовь ко всему нравственно прекрасному и оставаться мужественнымъ при борьбѣ съ препятствіями, встрѣчающимися на его пути. Кто обладаетъ этими свойствами, тотъ безъ отъѣха можетъ путешествовать въ этомъ городѣ, стать его гражданиномъ и пользоваться равною честию и правами, какъ и всѣ остальные. Различіи: знатный и маловажный, благородный и низкій, рабъ и свободный въ городѣ этомъ не существуетъ,—даже слова эти тамъ не употребляются ²⁾

„Я осмѣливаюсь,—шплетъ Оби—въ этомъ образѣ (нарисованномъ Лукіаномъ) находить изображеніе первоначальной христіанской церкви въ тѣхъ чертахъ, какъ описываютъ

¹⁾ Намекъ на нѣкоторыхъ философовъ, напр. Анахариса, Эпиктета, Антистека, Краеа и др. См. Wieland примѣчаніе къ нѣмецкому переводу сочиненій Лукіана 10 В s. 537.

²⁾ Hermotimus, с 22—24; Jacobitz, 1, pp 470—472

ее апологеты. Всѣ детали идеальнаго города Лукіана совпадаютъ съ христіанскимъ городомъ и матеріаль печершанъ исполнотъ. Но кто эготъ старецъ, имѣющій 50 лѣтъ и описывающій церковь, какъ союзъ рабовъ и нищихъ.—не тотъ ли, что обратился около этого времени Іустина Философа въ христіанству ¹⁾. Думается, Лукіанъ дѣйствительно вѣрилъ, что христіане нашли тотъ истинный путь, котораго досель тщетно искали, и создали норму недостижимаго идеала совершенной жизни.. Эти столь точныя воспоминанія писателя сатирика не доказываютъ ни того, что онъ бытъ посвященъ, вращался въ церкви и жилъ въ ней, если только не купилъ (въ ней) мира и равенства ²⁾

Нельзя прямо отрицать, что созданный Лукіаномъ городъ философовъ въ своемъ цѣломъ и въ некоторыхъ деталяхъ напоминаетъ собой первоначальную христіанскую общину, какъ она описывается въ посланіяхъ ап. Павла и сочиненіяхъ апологетовъ, но для того, чтобы пародовать эту картину, Лукіану вовсе не было надобности ни обращаться къ апологетамъ, ни тѣмъ болѣе состоятъ членомъ христіанской церкви. Въкъ Лукіана бытъ временемъ развитія и необыкновеннаго расцвѣта всевозможныхъ коопераций, коммунъ, гетерій и братствъ. Здѣсь еще ранѣе появленія христіанства всѣ люди безъ различія пола и возраста соединялись въ одну дружную семью по принципу равенства, пользовались самоуправленіемъ, избирали себѣ руководителей и контролировали дѣла общины. Здѣсь тоже не взирали ни на преимущества, ни на связи, ни на высоту положенія: точно также здѣсь не наблюдалось никакого различія между знатными и маловажными, рабами и господами и т. п. Эти коллеги и подготовили ту общественную форму, которую и

1) Іустинъ философъ самъ рассказываетъ въ своемъ діалогѣ съ Трифономъ іудеемъ, какъ онъ посѣщалъ различныя философскія школы (стоика, перипатетика, пифагорейца и платоника). Не найдя у нихъ удовлетворенія и задумавшись объ ученіи Платона, о возвышенномъ, онъ удалился въ пустыню недалеко отъ моря, чтобы отдаться здѣсь размышленіямъ. Въ небольшомъ разстояніи позади себя онъ увидѣлъ старца кроткой и почтенной наружности, бесѣда съ которымъ и обратила его въ христіанство (Dial. с. Tryph с. 2—7)

2) Aube, cit. op., p 127—128 Ср Renan „Его (Лукіана) идеальный городъ до странности похожъ на церковь“ Marc-Aurèle, cit ad, p. 374

восприняли въ себѣ христіанскія общины при первомъ своемъ появленіи на греко-римской почвѣ и гарантировали имъ успѣхъ распространенія ¹⁾.

Въ дальнѣйшихъ аналогіяхъ, указываемыхъ между христіанствомъ и сочиненіями Лукіана, обращаютъ на себя преимущественное вниманіе два: а) описаніе, составленное Лукіаномъ одной загадочной секты въ Fugitivi (Бѣглецы) и б) рассказъ его о необыкновенномъ изгнательѣ демоновъ.—Въ „Бѣглецахъ“ Лукіанъ, правда, не произноситъ имени христіанъ, но въ краткихъ словахъ отмѣчаетъ секту, характеризуя ее въ такихъ отвратительныхъ чертахъ, какія были обычны въ устахъ язычниковъ при изображеніи христіанскаго общества. Онъ описываетъ здѣсь людей, достойныхъ порицанія и презрительнаго поведенія, которые покинули свои ремесла, чтобы разыгрывать изъ себя философовъ. Вооруженные дерзостью и безстыдствомъ невѣжества, ихъ преимущественнымъ оружіемъ, они на помощь ко всему этому изобрѣли еще новый родъ позорныхъ рѣчей. При своей пронырливости и частыхъ посѣщеніяхъ, они собираютъ подаванія и живутъ роскошно. Они протестуютъ противъ пьянства, разврата и сластолюбія, но сами ведутъ себя въ своихъ шршественныхъ собраніяхъ позорно, обольщаютъ женщинъ и уводятъ ихъ съ собой. Если ихъ спросятъ о томъ, каковы ихъ дѣла, они ссылаются на ихъ ученіе, если же хотятъ обсудить ихъ доктрину, они говорятъ о своихъ дѣлахъ. Эти шарлатаны—враги музъ. Они рекомендуютъ другимъ истину, сами будучи не въ состояніи двинуть языкомъ, чтобы не произнести ложь. Они имѣютъ блѣдный видъ лица и голову обритуую до кожи ²⁾.—Не говоря о томъ, что эти случайно подобранныя мѣста изъ разныхъ главъ рассказа „Бѣглецы“ не заключаютъ въ себѣ ничего характернаго, чтобы побуждало относить ихъ именно къ христіанамъ, внимательное и постѣловательное чтеніе разсматриваемаго этюда Лукіана пока-

1) Crp Liebenam Zur Geschichte und Organisation d. römischen Vereinwesen. Leipzig 1890. Ziebart Das griechische Vereinwesen Leipzig. 1896.

2) Fugitivi, с 12. 13. 18. 15. 69. Jacobitz, III, 444. 445. 447. 446 441. Crp. Aube, cit. op. p 133. 134 Crp. Renan; „по видимому Лукіанъ не разъ вспоминаетъ о христіанахъ, рисуя въ своихъ „Бѣглецахъ“ этихъ блѣднлицыхъ людей съ обрѣтыми головами, ведущихъ скитальческій образъ жизни. (Renan, Marc Aurele, cit. ed. p 374.

зываетъ, что единственная и главная цѣль его состоитъ въ томъ, чтобы осмѣять циниковъ предъ судомъ философіи. Въ 14 гл. своихъ „Бѣглецовъ“ Лутіанъ описываетъ этихъ предполагаемыхъ христіанъ, какъ людей, облеченныхъ въ бѣдную и грубую одежду съ повѣшенной на ней сумкой и съ дубиной въ кулакѣ—обычный костюмъ циниковъ ¹⁾).

Общимъ центромъ вниманія ученыхъ является разсказъ о сирійцѣ, необыкновенномъ изгнатель дѣмоновъ. „Я приведу тебѣ—говоритъ въ Philopseudes уже извѣстный намъ платоникъ Іонъ,—мастера этого искусства (изгнанія демоновъ), извѣстнаго сирійца изъ Палестины. *Весь міръ* знаетъ этого достопримѣчательнаго мужа, какъ онъ падающихъ при поволуніяхъ, вращавшихъ своими глазами и выпускавшихъ изъ рта пѣну, возстановлять, дѣлалъ ихъ здоровыми и, навсегда освобождая ихъ отъ несчастія, отправлялъ ихъ домой ²⁾. Онъ приближался къ лежащему на землѣ больному и сиранивалъ, откуда онъ пришелъ въ это тѣло. Больной не говорилъ ни слова, но злой духъ отвѣчалъ по гречески или на какомъ-либо иномъ иностранномъ языкѣ, какъ и откуда онъ пришелъ въ этого больного. Онъ обращался къ больному съ заклинаніями и, если духъ не хотѣлъ слушать его, то онъ прибѣгалъ къ устрашеніямъ и навсегда изгонялъ бѣса изъ тѣла ³⁾. И разъ самъ видѣлъ, какъ исходить такой духъ, весь черныи и дымный ⁴⁾“.

¹⁾ Jacobitz, III, 445

²⁾ Ср. Мр. IX, 19. „Учитель я привелъ къ Тебѣ сына, одержимаго духомъ нечистымъ; гдѣ онъ ни схватываетъ его, повергаетъ на землю; онъ испускаетъ пѣну, скрежещетъ и пѣнетъ. Іисусъ запретилъ духу нечистому, сказавъ: „выйди и впредь не входи“, и духъ, воскликнувъ и сильно потрясши его, вышелъ. Ср. Мѣ. XVII, 15. Когда они пришли къ народу, подошелъ къ Нему (Іисусу) человекъ и, преклоняя предъ Нимъ колѣна, сказалъ: „Господи, помилуй сына моего; онъ въ новолуніи бѣснуется, тяжело страдаетъ, часто бросается въ огонь и часто въ воду. И запретилъ ему (демоу) Іисусъ, и вышелъ демонъ и отрокъ исцѣлился въ тотъ же часъ“.

³⁾ Ср. Мр. V, 6 „и увидѣвъ Іисуса (духъ) вскричалъ громкимъ голосомъ: „что Тебѣ до меня, Іисусъ, Сынъ Бога Всевышняго, не мучь меня! Іисусъ сказалъ; выйди, духъ нечистый изъ этого человека! И спросилъ его: какъ тебѣ имя? И онъ сказалъ: легионъ т. е. много“ Мѣ. VIII, 28. 29. „И вотъ два бѣсноватыхъ закричали: „что Тебѣ до насъ Іисусъ, сынъ Божій, зачѣмъ Ты пришелъ сюда прежде времени мучить насъ“. Устрашенія и заклинанія можно видѣть въ словахъ: „духъ немой и глухой, поветѣваю выйти изъ него и впредь не входить. И сотряси его“ ..

⁴⁾ Philopseudes, с. 11. Jacobitz, III, 202.

Кто быть этотъ заклинитель: Zahn и Viela безусловно утверждаютъ, что въ этомъ заклинительѣ, съ такою точностью обрисовываемомъ Лукіаномъ, нельзя ничего видѣть, кромѣ евангельскаго Христа. Zahn пишетъ „кто въ извѣстномъ всѣмъ сирійцѣ изъ Палестины не съумѣетъ возстановить Христа, когда изображеніе процесса изгнанія демоновъ списано съ Евангелія (даже слѣдуютъ приведенныя всѣ цитаты). Съ такими мѣстами Лукіанъ могъ ознакомиться не изъ разговоровъ съ христіанами, но только изъ чтенія ихъ сочиненій“¹⁾. Viela ограничивается апоптической фразой: „весь міръ знаетъ сирійца“—утверженіе, которое можетъ указывать только на Иисуса²⁾. Какъ ни категоричны утверженія Viela и Zahn, а они все таки не обладаютъ достаточной силой доказательности: Іонъ говоритъ объ этомъ сирійцѣ, какъ своемъ современникѣ, дѣйствія котораго онъ самъ наблюдалъ, и, затѣмъ, замѣчаніе, вставленное между строкъ, что этотъ сиріецъ за свои экзорцизмы бралъ солидную сумму денегъ³⁾, безусловно не позволяетъ отождествлять извѣстнаго всему міру сирійца съ евангельскимъ Христомъ. Достаточно, наконецъ, внимательно прочесть весь этотъ Лукіана „Philopseudes“, чтобы видѣть, какъ разпосторонни и многообразны были тогда формы изгнанія демоновъ, иногда близко напоминающія Евангеліе⁴⁾, чтобы убѣдиться, что сирійскій экзорцистъ изъ Палестины не представлялъ для того времени чего-либо страннаго и необычнаго.

Другія аналогіи, указываемыя между христіанскими идеями и сочиненіями Лукіана и имѣющія собою доказать знакомство его съ христіанскою письменностью, обладаютъ лишь слабой долей вѣроятности. Обѣ останавливаются свое вниманіе на словахъ, какія истина говорила во снѣ Лукіану: „если ты послѣдуешь мнѣ, то будешь введенъ въ пониманіе“

1) Zahn Ignatius v. Antiochien Gotha, 1873. s. 592, 593

2) Viela Lucien de Samosate et les chrétiens. Montaubon, 1902, p. 58

3) „Ἐὶς ἰσθμῶν ἰεργύλλω“ Jacobitz, III, 202, 47.

4) См. выше разсказъ о томъ, какъ садовникъ Мида принесетъ былъ на кровати къ цародѣю вавилоняину.. потомъ всталъ взялъ свою постель и пронесъ ее чрезъ весь садъ Тотъ же Zahn (lit. loc.) указываетъ на евангельскую параллель въ исцѣленіи разслабленнаго „тебѣ говорю встань, возьми свою постель и ходи. Онъ тотчасъ всталъ, взялъ свою постель и вышелъ предъ всѣми“ (Мр. 10, 11, 12 ср. Мө. IX, 6; Лк. 5, 24).

ніе всего достойнаго знанія, и твои умъ, благороднѣйшая часть твоего существа,—я украсю добродѣтелями самообладанія, справедливости, благочестія, смиренія, правдолюбія, мудрости, мужества, любви къ прекрасному и стремленіемъ къ возвышеннымъ благамъ“¹⁾, видитъ здѣсь подражаніе словамъ ап. Павла въ посланія къ Галатамъ (плодь же духа: любовь, благость, долготерпѣніе, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе (Гал. V, 22), и тотъ подъемъ и колебаніе ощущеній, какой Лукіанъ пережилъ на лекціяхъ Нигрія, сравниваетъ съ композиціей св. Іоанна²⁾.

Нѣкоторые идутъ еще дальше въ своихъ предположеніяхъ. Одинъ изъ схоластовъ къ книгамъ Лукіана „Истинная исторія“ въ помѣщенномъ здѣсь описаніи города блаженныхъ усматриваетъ Іерусалимъ небесный³⁾, манну въ пустыни⁴⁾ и жезлъ Аароновъ прозябшій⁵⁾. „Городъ на островѣ блаженныхъ,—описываетъ Лукіанъ,—созданъ изъ чистаго золота и окруженъ смарагдовыми стѣнами. Семь воротъ его построены изъ коричневаго дерева, и зданія всѣхъ улицъ и общественныя мѣста созданы изъ слоеновой кости: тамъ же великіе алтари, на которыхъ жертвуются гекатомбы, каждая изъ неизмѣримаго смарагда. Кругомъ города течетъ источникъ великолѣпнаго мара, и кузальни, построенныя на немъ, представляютъ собою роскошныя палаты, устроенныя изъ кристалловъ⁶⁾. И никогда не бываетъ у нихъ ночи: нѣбный свѣтъ утренней зари простираетъ весь островъ... тамъ вѣчная весна и тихій вѣтеръ зефиръ вѣетъ надъ ними“⁷⁾ — Апокалипсисъ ап. Іоанна Богослова: „и вознесъ меня (Ангель) на великую и высокую гору и показалъ мнѣ великій городъ св. Іерусалимъ, нисходившій съ неба на землю, свѣтло его подобно драгоценнѣйшему камню, какъ бы камню яшма или кристалловидному (21. 10. 11). Стѣна построена изъ яшма, а городъ былъ чистое золото, подобное чистому стеклу. Осно-

1) *Somnium*. c. 10. *Jacobitz*, I, §.

2) *Aube*, cit. op. p. 125-126.

3) *Jacobitz*, cit. c. t. IV, *Scholia in Lucianum* cp. *Verae historiae*. *Jacobitz* II. c. 11, p. 83.

4) *Ibid.* II, c. 13, p. 89

5) *Jacobitz*. *Schol.* IV, 133

6) *Verae historiae*, c. 11; *Jacobitz*, II, 88.

7) *Ver. Histor.*, c. 11, *Jacobitz*, *ibid.* 89.

ванія стѣны города украшены всякими драгоценными камнями. Основаніе первое—яшмъ, второе сапфиръ; третье халкидонъ, четвертое смарагдъ, пятое сардоникъ, шестое—сардоникъ, седьмое—хризолитъ, восьмое—бериллъ, девятое—гопазъ, десятое—хрисопрасъ, одиннадцатое гіацинтъ, двѣнадцатое—аметистъ. А двѣнадцать воротъ—двѣнадцать жемчужинъ: каждыя ворота были изъ одной жемчужины; улица города—чистое золото (ст. 18—11). И городъ не имѣлъ нужды ни въ солнцѣ, ни въ лунѣ, ибо слава Божія освѣщала его, и свѣтильникъ его ангель“ (ст. 21).

Манна въ пустыни: „Вмѣсто пшеницы (въ городѣ блаженныхъ) выжимался изъ воздуха готовые грибы“¹⁾.

Ааронъ прозябшимъ жезломъ укрощаетъ бурю. Ъдутъ по озеру (все это происходитъ на островѣ блаженныхъ), не зная, что въ рибздахъ, разсѣянныхъ по берегамъ его покоятся яйца птицъ въ 60 стадій⁴⁾ въ объемѣ, и вотъ во время пути неуклюжіи и огромныи гусь усѣлся на заднюю часть корабля... Нашъ лысый кормчій Спинфоросъ (Ааронъ) покрылся волосами, и что еще удивительнѣе, выросла мачта корабля, породила вѣтви и оплодотворилась въ самой вершинѣ, при чемъ появились плоды въ видѣ смоквъ и сѣлаго винограда, и мы все помолчили богамъ чтобы они избавили насъ отъ такой необычайности²⁾. Кребець³⁾ въ одномъ разсказѣ истинной исторіи видитъ кошю пророка Іоны, поглощенного китомъ. Путешествуютъ по океану на кораблѣ,—сообщаетъ истинная исторія Лукіана,—на третій день видятъ предъ собой огромнаго кита величиной въ 500 стадій⁴⁾, своимъ появленіемъ поднявшаго бурю въ океанѣ и показавшаго острые, какъ опиленные колья, зубы. Одинъ глотокъ!—и они все вмѣстѣ съ кораблемъ очутились въ желудкѣ кита: семь дней и семь ночей они пробыли въ желудкѣ кита и затѣмъ вышли на сушу⁵⁾. Въ книгѣ пророка Іоны идетъ рѣчь о томъ,

1) Ver. hist II, c. 13; ibid

2) Verae historiae, II, 41; Jacobitz, II, 108.

3) Kres. De malicioso Luciani consilio, religionem christianam scurrili dicitate vanam et ridiculam reddendi. (1769) Цитатъ у Deeleman De morte Peregrini: Utrecho 1902—одно изъ самыхъ цѣнныхъ сочиненій по вопросу объ отношеніи Лукіана къ христіанству.

4) Стадія 84 с. 4 ср.

5) Verae historiae I, c. 30; II, c. 1—2. Jacobitz, II, 71 81. 82

какъ Господь послалъ его проповѣдовать въ Ниневію слово Божіе; пророкъ не послушался приказанія Божія и на корабль отправился въ Іошїю и Тарсисъ. Буря поднялась на морѣ и корабль готовъ былъ утонуть. Іона сознался въ своемъ преступленіи и брошенъ былъ въ море. Великій китъ проглотилъ Іону и былъ Іона во чревѣ китовѣ три дня и три ночи ¹⁾ — *Борьба Архангела Михаила съ сатаной*. Въ истинной исторіи изображается продолжительная и наполненная чудовищными подробностями борьба селенитовъ (жителей луны) подъ главенствомъ Эндиміона и геліотовъ (жителей солнца), выступающихъ подъ предводительствомъ Фотона. Селениты побѣждаютъ геліотовъ, захватываютъ такое множество ихъ, что нѣкоторые изъ нихъ падаютъ на землю. На помощь солнцу приходитъ стрѣлокъ (изъ созвѣздія стрѣльца) и приводитъ съ собою массу воиновъ, представлявшихъ собой нѣчто невиданное въ мірѣ. Это были полужапряженные кони, человѣческая половина ихъ была по меньшей мѣрѣ такъ велика, какъ высшая часть колонны Родоса, лошадиная половина величиной въ торговый корабль самаго большого размѣра ²⁾. Вооруженные этими новыми силами, геліоты нападаютъ на селенитовъ, побѣждаютъ ихъ, заставляютъ ихъ платить рядъ налоговъ и оставить заложниковъ въ знакъ вѣчнаго мира ³⁾. Апок. *Іоанна Богослова*: „И произошла на небѣ война. Михаилъ и ангелы восстали противъ дракона, и драконъ и ангелы его противъ нихъ, и не устояли и не нашлось имъ мѣста на небѣ. И низверженъ былъ великій драконъ, древній змій называемый дьяволомъ и сатаной., низверженъ на землю, и ангелы его низвержены съ нимъ (12, 7—9)“.

Еще нѣкоторый рядъ подобныхъ примѣровъ, приводимыхъ Цаномъ, съ неутомимой энергіей стремящимся доказать, что Лукіанъ почерпалъ свои свѣдѣнія о христіанахъ

¹⁾ Книга пророка Іоны (гл. 1, II, 1).

²⁾ Тотъ же Кребсъ въ отмѣченномъ сейчасъ описаніи приведенныхъ изъ созвѣздія Стрѣльца воиновъ признаетъ передѣлку описанія херувимовъ у пророка Іезекіиля. Іезекиль созерцаетъ облако, клубящійся огонь и сіяніе вокругъ его, и изъ среды его видно было подобіе четырехъ животныхъ; обликъ у нихъ былъ, какъ у человѣка.. и у нихъ ноги прямыя и ступни ногъ, какъ ступни у тельца (Іезек. I, 5—7).

³⁾ *Veracae historiae* I, с. 11—20. *Jacobitz*, II, 57—64.

именно изъ чтенія принадлежащихъ имъ произведеній ¹⁾. „Его разсказъ въ *Philopseudes* заимствованъ изъ Исх. XII, 9. XIII, 18“ Лукіанъ упоминаетъ о своей встрѣчѣ съ ученымъ мужемъ изъ Мемфиса, человѣкомъ сверхъ-ординарныхъ познаній, хорошо изучившемъ египетскую мудрость. Онъ 32 г. просидѣлъ въ подземной пещерѣ и наученъ былъ магическому искусству самой Изидой. „Когда часто мы приходили съ нимъ въ гостинницу, мужъ бралъ запорную дубину или метлу или ступку для толченія, произносилъ заклинательныя формулы, и на нашихъ глазахъ возникалъ живой, носящій тѣло, человѣкъ, ходившій туда и сюда, носилъ воду, покупалъ нужныя средства для жизни, приготовлялъ пищу, — короче дѣлалъ все, потребное для жизни. А когда нужда въ немъ прекратилась, онъ при помощи заклинаній превращалъ его въ тѣ же бездушныя вещи ²⁾. (Исх. VII, 9—12). „Моисей и Ааронъ пришли и сдѣлали, что сказалъ имъ Господь; и бросилъ Ааронъ жезлъ свой предъ Фараономъ, и онъ сдѣлался змѣемъ. И призвалъ Фараонъ мудрецовъ и чародѣевъ и эти египетскіе волхвы сдѣлали своими чарами тоже, но жезлъ Аароновъ поглотилъ ихъ жезлы“. — „На слѣдующій день, — рассказываетъ далѣе Лукіанъ, — тотъ человѣкъ находился на рынкѣ; я взялъ дубину, положилъ на нее платье и, произнеши три (мистическихъ) слова ³⁾, приказалъ принести ей воды. Довольно, — сказалъ я — никогда больше не носи воды и стань опять дубиной. Вещь однако не послушалась, и столько нанесла воды, что наполнила весь домъ ⁴⁾... (Исх. VIII, 16—17)“. — „И сказалъ Господь Моисею: скажи Аарону: простри (рукою) жезлъ твой, ударь въ персть земную и будутъ мошки на людяхъ, на скотѣ и Фараонѣ и домѣ его. Такъ они сдѣлали: Ааронъ простеръ руку свою, жезломъ ударилъ въ персть земную и явились мошки на людяхъ и на скотѣ. Вся персть земная сдѣлалась мошками по всей землѣ египетской“. — Предоставляемъ самимъ читателямъ судить о научномъ достоинствѣ этихъ аналогій.

¹⁾ Zahn, cit. op. S. 592.

²⁾ *Philopseudes*, c. 35. Jacobitz, III. 215.

³⁾ Магическій приемъ египетскаго заклинателя, подслушанный рассказникомъ.

⁴⁾ *Philops.* c. 36, Jacobitz, *ibid.*, p. 216

Единственнымъ источникомъ, на основаніи котораго наука можетъ составить себѣ точное понятіе объ отношеніи Лукіана къ христіанству является наиболѣе извѣстное и популярное сочиненіе его о смерти Перегрина. Героемъ разсказа, представляющаго собой цѣльную и законченную біографію, является Перегринъ, получившій прозваніе Теагепа Протея,—личность, достаточно извѣстная исторіи. „Aulus Gellius, въ своихъ *Noctes attici*, сообщаетъ о немъ довольно подробныя свѣдѣнія. „Когда мы были въ Афинахъ, мы видѣли философа съ именемъ Перегрина, который позднѣе получилъ названіе Протея—мужа, вызывающаго къ себѣ уваженіе и умственно и нравственно непоколебимаго (*constantem*), проводившаго жизнь въ шалашѣ внѣ города. И такъ какъ мы часто съ нимъ встрѣчались, то слышали, какъ онъ много говорилъ полезнаго и возвышеннаго. Изъ сказаннаго имъ мы напомнимъ важнѣйшее. Онъ училъ, что мужъ разумный (*sapiens*) не можетъ погрѣшать, хотя бы Богъ и люди не вѣдали, что онъ грѣшитъ, такъ какъ полагають, что не изъ боязни предъ наказаніемъ или безславіемъ не должно грѣшить, а по (уваженію) къ справедливому и почетному занятію и обязанности. Тѣ же, которые лишены такого дарованія, способности поведенія, чтобы своею силой и своею волей легко удерживаться отъ грѣха,—тѣхъ онъ считалъ тѣмъ болѣе склонными къ грѣху, что они думая возможнымъ скрыть грѣхъ, надѣялись на безопасность по причинѣ скрытности. О, если бы они, люди,—говоритъ онъ—вѣдали, что такъ какъ ничто изъ всѣхъ вещей не можетъ продолжаться тайнымъ долгое время, то скрывающіе грѣхи медленнѣе и позорнѣе обманываютъ сами себя. Потому то онъ часто и повторялъ стихи Софокла, благоразумнѣйшаго изъ поэтовъ: „по отношенію къ этому ничего не скрывай, такъ какъ все видящее и все слышащее время откроетъ все¹⁾“.

О томъ же Перегринѣ Протеѣ свидѣтельствуетъ Аггмианъ Марцеллинъ, оставившій слѣдующее замѣчаніе: „Всѣ лишаютъ себя жизни съ плачемъ, исключая Симонида, который, одичавъ отъ постояннаго воздержанія, приказалъ сожечь себя въ пламени; избѣгая жизни, какъ бѣшеной владительницы, и осмѣивая случайность окружающихъ явле-

¹⁾ Подлинный текстъ см у Deeleman'a cit. op p. 128. 129.

пій, неподвижнымъ (*immobilis*) сожегъ себя въ пламени. Подражая ему Перегринъ, по прозванію Протей, *знаменитый* (*clarus*) *философъ*, когда рѣшилъ уйти изъ міра, во время ристалищъ въ Олимпіи, въ виду всей Греціи, войдя на костеръ, построенный имъ самимъ, бросился въ пламя“ ¹⁾.

Въ хроникѣ Евсевія Кесарійскаго сохранилось нѣсколько свѣдѣній о Перегринѣ: „Перегринъ философъ, во время произнесенія панегирика, воспламенивши огонь, сожегъ самъ себя, подражая Калану брамину, гимнософисту по Александру ²⁾: философъ Перегринъ въ публичный праздникъ въ Пизѣ ³⁾, возжегши огонь, бросилъ туда самого себя (армянская версія): философъ Перегринъ, зажегши у Пизы костеръ, который онъ сложилъ изъ кусковъ дерева, самъ бросился въ него“ ⁴⁾

Будучи человѣкомъ высоко-нравственныхъ понятій, знаменитымъ философомъ, аскетомъ по поведенію и обладавшій прекраснымъ чисто-эллиническимъ стилемъ, онъ относился съ

¹⁾ Ammianus Rerum gestorum XXIX. 1. 38.

²⁾ De morte Peregrin, с 25: (о Теагенѣ Перегринѣ): онъ хотѣлъ дать доказательство стойкости, подобно браминамъ. Именно, какъ разсказываетъ Онесикритосъ, морской капитанъ Александра, который видѣлъ сожженіе Калана. . Jacobitz; III, 430.

³⁾ Пиза—городъ въ Элидѣ, близъ котораго праздновались олимпійскія игры

⁴⁾ Eusebii Chronicorum I, 2. Berolini 1886, 75 2 p. 4; ed A. Schöne.—Bernau (Lucian und die Kyn., cit. op. ss. 14 fgg. приводитъ свидѣтельство извѣстнаго врача Галена о циникѣ Теагенѣ, отождествляя его съ Теагеномъ Перегриномъ Лукіана. Галенъ упоминаетъ о Теагенѣ, какъ философъ циникъ, въ своемъ обширномъ сочиненіи о методахъ леченія, гдѣ обсуждаетъ вопросъ о способахъ врачеванія печени „Я долженъ напомнить вамъ о лечебномъ веденіи дѣла, какое приключилось съ Теагеномъ, циническимъ философомъ. Это происшествіе извѣстно въ широкихъ кружкахъ, вслѣдствіе знаменитости врача, читавшаго свои лекціи въ гимназіи Траяна (великолѣпномъ зданіи, построенномъ первымъ архитекторомъ того времени Аполлодоромъ). Теагенъ былъ боленъ печенію; за леченіе больного циника взялся врачъ Атталъ, предложившій радикальное средство для приведенія больного въ нормальное состояніе. Послѣ долгаго спора Атталъ получилъ позволеніе лѣчить больного Теагенъ умеръ и похороненъ былъ своими друзьями циниками. Въ свое время А. Гарнакъ признавалъ, что къ комбинаціи Галенскаго Теагена циника съ Теагеномъ Лукіана никакихъ препятствій нѣтъ (А. Harnack, рецензія на изслѣдованіе Варнея. Theol L.—Z. 1879, № 17, S. 395—399). По новѣйшимъ даннымъ выводъ этотъ долженъ былъ отвергнутъ.

жестокимъ порицаніемъ ко всякому пороку и недостатку, встрѣчавшемуся ему въ окружающей жизни. Въ небольшомъ и не имѣющемъ начала отрывкѣ изъ *Noctes Atticae*, 12, 8 тѣ же очевидцы рассказываютъ, какъ онъ въ присутствіи ихъ справедливо и очень сурово порицалъ одного римскаго юношу изъ всаднической фамиліи (очевидно, молодого аристократа изъ высшей знати, пришедшаго къ нему поучиться философской мудрости), медленно встававшаго передъ нимъ и постоянно зѣвавшаго ¹⁾. Флавій Филостратъ въ біографіи Ирода Аттика знаменитаго ритора того времени упоминаетъ о столкновеніи съ Протеемъ циникомъ въ Афинахъ, очевидно въ постоянномъ мѣстѣ его дѣятельности. Протей, — значитъ здѣсь — дофилософствовался до такого безумія, что въ Олимпіи съжегъ самъ себя огнемъ. Онъ обличалъ Ирода въ полуварварскомъ языкѣ. Обратившись къ нему Иродъ сказалъ: ты меня злословишь? такъ ли это? Когда Протей продолжалъ обличать его, Иродъ закончилъ словопречія проницательскимъ замѣчаніемъ: „ты видишь, безъ сомнѣнія, что я слушаю, но, слушая, смѣюсь; извѣстно, что ложныя ругательства не проходятъ сквозь уши.—Любопытна его встрѣча съ Демонаксомъ. Здѣсь онъ очень много надсмѣхался надъ Демонаксомъ и упрекалъ его въ слишкомъ вѣжливомъ обращеніи съ людьми и сказалъ ему: „ты ведешь нехорошую игру съ циниками“ „а ты еще худшую со всѣми людьми“ — отвѣтилъ Демонакъ ³⁾. И христіанскимъ писателямъ достаточно извѣстенъ Перегринъ Протей. Таціанъ изображаетъ Перегринна Протея, какъ циника, осмѣивая его костюмъ: „и что удивительнаго и великаго дѣлаютъ ваши философы: они оставляютъ одно плечо непокрытымъ и хотя говорятъ, что ни въ чемъ не нуждаются, однако кожевникъ нуженъ имъ для сумы, дровосѣкъ для палки (Or. c. 25). Тертуліанъ такъ же зналъ Перегринна. Онъ не хочетъ во всей подробности пересчитывать тѣхъ людей, которые по чувству мнимаго великодушія (въ противоположность христіанской готовности на мученичество) подвергали себя добровольной смерти. Идутъ примѣры Люція Сцевола, Регула, *философовъ* Герак-

1) Deeleman, *ibid.* 108.

2) *Philostorgii. Vita sophisist.* II, 33, *cit. ed.* p 234.

3) *Demonax*, c. 21; *Jacobitz*, II, 28.

лита и Эмпедокла. „Недавно нѣкто Перегринъ кончилъ свою жизнь на пылающемъ кострѣ (Aq. mart., с. 4)¹⁾.

Трудъ Лукіана, озаглавиваемый въ издавіяхъ „о смерти Перегринна“, какъ центральномъ фактѣ его жизни, составленъ въ формѣ письма къ своему другу, неоплатонику Кронію²⁾, содержитъ въ себѣ полную біографію Перегринна Теагена и представляетъ собою одно изъ менѣе обработанныхъ и стройно составленныхъ произведеній его. Онъ сложенъ изъ разнородныхъ частей, какъ будто случайно соединенныхъ между собою и потому требуетъ болѣе или менѣе подробнаго анализа его состава, такъ какъ это имѣетъ важное значеніе и для рѣшенія вопроса объ отношеніи Лукіана къ христіанству. Главы I—II открываются юмористическимъ описаніемъ торжественнаго выступленія Теагена Протея въ гимназіи Элиды, гдѣ впервые провозглашается, что въ скоромъ времени онъ предастъ себя самопожизненію. Возвышенные похвалы а также и некрасивыя порицанія раздаются по адресу его. 10 главою кончается рассказъ о Теагенѣ-Протейѣ. Съ 11—15 излагается исторія Перегринна-христіанина, а затѣмъ опять выступаетъ на сцену Теагенъ Протей. Все это содѣлаетъ научное и логическое право разсматривать трудъ Лукіана, какъ нѣчто сложное, составленное изъ двухъ самостоятельныхъ отдѣловъ, случайно связанныхъ между собою³⁾.—Обращаясь сначала къ изученію біографіи Перегринна Протея, взятаго въ отношеніи къ христіанству, какъ онъ изображенъ у Лукіана, мы получаемъ о немъ совершенно иное представленіе по сравненію съ тѣмъ какъ, пока онъ обрисовывается въ независимыхъ отъ него источникахъ. Ненавистникъ циниковъ, въ нѣсколькихъ этюдахъ своихъ подвергшій ихъ яростной насмѣлкѣ и сарказму, онъ воспользовался личностью аѳинскаго Перегринна для того, чтобы излить всю свою злобу на нихъ, и изъ біографіи Перегринна Протея создалъ самый позорный насмѣлкѣ на нихъ. Уже въ своемъ введеніи къ сочиненію онъ намѣчаетъ свою руководящую

¹⁾ Тождество Перегринна Протея Авлія Геллія съ Лукіановскимъ Протеемъ-Перегринномъ признаютъ Bernay (cit. op.), s. 61 и Oube l (cit. op.), p. 42.

²⁾ Bernay. cit. op., s. 8

³⁾ Ср. Zeller Vorträge und Abhandl. Cungen phisophische Inhalt Zioete Sammlung. Leipzig, 1877 (Alexander et Peregrinus. Ein Betrüger und ein Schwärmer, s. 154 sqq)

цѣль. „Несчастный Перегринъ“, ¹⁾ или, какъ онъ любилъ называть себя, Протей, вполне испыталъ на себѣ судьбу Гомеровскаго Протея, сдѣлался всеѣмъ ради славы, прошелъ бесчисленные измѣненія и наконецъ превратился въ огонь ²⁾, какъ какъ онъ былъ объятъ величайшимъ стремленіемъ къ славѣ ³⁾. Лукіанъ охотно собираетъ отъ его сограждавъ все слухи и сплетни, чтобы обличить его въ тяжкихъ преступленіяхъ, опорочить въ сужденіи его современниковъ ⁴⁾. Эта враждебная тенденція по отношенію къ Теагену-Протею, какъ цинику, выражающаяся въ постоянныхъ упрекахъ, въ пустомъ самохвальствѣ, въ тщетномъ стремленіи къ славѣ и т. п. красною нитью проходитъ черезъ всю біографію Перегрина Протея составленную Лукіаномъ. „Проклятый Теагентъ“ ⁵⁾, „проклятые ученики его“, „приверженцы его болшею частью“ ⁶⁾,—вогь фразы, характеризующія его отношеніе къ своему герою. Если оставить въ сторонѣ все эти черты, изъ злобы къ циникамъ, навязанныя Лукіаномъ Перегрину, то получится образъ, мало чѣмъ отличающійся отъ аѳинскаго Перегрина Протея. Правда, Перегринъ Лукіана принимаетъ въ Египтѣ особое посвященіе въ циники ⁷⁾, представлявшее собою цѣлый обрядъ, но нѣтъ ничего невозможнаго и въ томъ, что и аѳинскій циникъ, жившій пока въ шалашѣ въ уединеніи отъ общества, призналъ пужнымъ для себя при выступленіи на публичную дѣятельность исполнить обрядъ, считавшійся тогда необходимымъ, чтобы получить все права, соединенныя съ званіемъ циника. Онъ одѣвается въ истертую матерію, носитъ сумку на плечѣ и въ рукахъ имѣетъ напцу (обычный костюмъ циниковъ ⁸⁾). Свое

¹⁾ Родиною Лукіановскаго Протея былъ городъ Парій (Athenag. Suppl. pro chr. с. 26), лежавшій въ Мизіи у Пропондиды къ востоку отъ Ламсака. Это, конечно, ничуть не препятствуетъ отождествлять его съ Перегриномъ аѳинскимъ, который тоже могъ родиться въ Паріи.

²⁾ Odyss IV, 418—419. „Онъ (Протей) начнетъ принимать разные виды и станетъ являться вамъ всеѣмъ, что ползаетъ подъ землей и водой и пламенемъ жгучимъ“.

³⁾ De morte Peregrin, с. 1; Jacobitz, III, 420.

⁴⁾ Ср. с. 9, 10; Jacobitz, III, 423, с. 14; Jacobitz, 425; с. 19; Jacobitz, 427.

⁵⁾ С. 7; Jacobitz, III, 422.

⁶⁾ С. 28; Jacobitz, III, 431.

⁷⁾ С. 17; Jacobitz, III, 426.

⁸⁾ С. 15; Jacobitz, III, 425.

вступленіе въ циники онъ ознаменовалъ отреченіемъ отъ имущества, подаривъ свое имѣніе, стоившее 5,000 талантовъ ¹⁾, родному городу, принявъ добровольную нищету ²⁾. „А петпный философъ, единственный патріотъ, единственный послѣдователь Діогена и Кратеса“ ³⁾,—воскликнули граждане ⁴⁾. И онъ вполне осуществляетъ роль циника, какъ она была намѣчена выдающимися его предшественниками. Онъ прежде всего оппонентъ правительства. Тотчасъ же послѣ своего посвященія въ циники онъ отправляется въ Италію и, едва покинувъ корабль, начинаетъ обличать всѣхъ, и въ особенности императора, высокая милость и покровительство котораго были хорошо извѣстны ему. Императоръ ⁵⁾ мало обращалъ вниманія на подобнаго рода оскорбленія; къ числу достоинствъ, отличающихъ его, принадлежало и то, что людей одѣтыхъ въ философскую мантію онъ не хотѣлъ наказывать ни однимъ словомъ ⁶⁾. Протестъ Перегринна дошелъ здѣсь до такой степени, что городское управление удалило его изъ столицы, находя, что такіе философы для города непригодны. Популярность и слава Перегринна возрастала: всюду слышались рѣчи о философѣ, вслѣдствіе мужества своихъ рѣчей и свободомыслия подвергнувшемуся изгнанію изъ столицы ⁷⁾. И по возвращеніи въ Элладу онъ продолжалъ свою антиправительственную агитацию, убѣждая грековъ поднять оружіе противъ Рима ⁸⁾ Строгий моралистъ и аскетъ по призванію, онъ сурово порицалъ здѣсь одного выдающагося по образованію и общественному положенію мужа за то, что онъ устроилъ водопроводъ въ Олимпіи въ пѣляхъ предупредить жажду у собравшейся тамъ многочисленной публики, усматривая въ этомъ склонность грековъ къ излѣженности и слабости ⁹⁾. Но самымъ централь-

1) Одинъ талантъ по нашей цѣнѣ стоитъ 1450 руб

2) С. 4, Jacobitz, III, 423, ср. с 15. Jacobitz, III, 424 426

3) Знаменитѣйшіе циники древности.

4) с 15, cit

5) Вѣроятно, это былъ Антонинъ Пій.

6) Ср. примѣръ, приводимый у Vornays'a, с 28. Императоръ Веспасіанъ порицавшему его цинику замѣтилъ: „ты ведешь дѣло къ тому, чтобы я присудилъ тебя на казнь, но я не хочу бить до смерти лающую собаку“

7) С. 17; Jacobitz, III, 426. 427

8) С. 19; Jacobitz, III, 427.

9) Ibid.

пымъ и героическимъ дѣломъ его явилось предпринятое имъ самоожженіе на Олимпійскихъ играхъ, увѣнчавшее его жизнь, очевидцемъ котораго былъ самъ Лукіанъ. Теагенъ Протеѣ прибылъ на Олимпійскія игры, окруженный многочисленной свитой своихъ послѣдователей, говорили рѣчи, въ которыхъ рассказывали о своей жизни, о томъ, какъ онъ много потерялъ зла отъ своихъ враговъ и закончилъ торжественнымъ воззваніемъ: „Золотой жизни своей я хочу положить золотой конецъ.., я стремлюсь показать людямъ, какъ должно презирать смерть“¹⁾. Цѣль сама по себѣ возвышенная и прекрасная ¹⁾. Олимпійскія игры приходили уже къ концу и Лукіанъ вмѣстѣ со своимъ товарищемъ отправился въ отстоящее на 20 стадій ²⁾ отъ Олимпіи мѣстечко по направленію ипподрома на востокъ, гдѣ Перегринъ-Протеѣ еще ранѣе выкопалъ яму глубиной въ сажень, сложилъ костеръ изъ кусковъ дерева, перевитыхъ хворостомъ, и такимъ образомъ все устроилъ для самоожженія ³⁾. Когда появилась луна ⁴⁾, Перегринъ явился къ костру, окруженный всѣми благородными изъ Пеллы ⁵⁾, носящими въ рукахъ факелы, и Перегринъ держалъ въ рукахъ тоже факель. Со всѣхъ сторонъ костеръ былъ подоженъ факелами. Перегринъ снялъ мантию, отложилъ палицу и, вознепадши на костеръ въ грязной рубашкѣ, воскликнулъ: „материнскіе и отеческіе боги, будьте благосклонны ко мнѣ! Съ этими словами онъ бросился въ огонь, пламя охватило его, и никто уже болѣе не видѣлъ его ⁶⁾. Какъ бы Лукіанъ ни отрицательно относился къ такимъ приемамъ лишенія жизни, какъ самоожженіе ⁷⁾, все дѣло, совершенное Перегриномъ, описы-

1) С. 33; Jacobitz, III, 433.

2) *στάδιον*—84 саж. 4 фут.

3) с. 24. 25. Jacobitz, III, 429. 430.

4) Самое небо внимало самоожженію Протея. Аполлонъ доноситъ Юпитеру, что престарѣлый мужъ въ Олимпіи сейчасъ только бросился въ огонь. Объ этомъ мнѣ рассказывала луна (*Fugitivi*, 1. Jacobitz, III, 439).

5) Пелла, городъ въ Ахай у коринскаго залива. Вѣрнѣе показанія Амміана Марцеллина „въ виду всей Греціи“. Необыкновенное зрѣлище самоожженія, несомнѣнно должно было привлечь къ костру всѣхъ грековъ, сходившихся на олимпійскія игры.

6) С. 36; Jacobitz, III, 434.

7) См его разсужденія по этому вопросу *De morte Perigrini*, с. 21, 22. Jacobitz, III, 428 sqq.

вагея у него, какъ неподражаемый примѣръ мужества, стойкости и самоотверженія и безъ сомнѣнія также смотрѣли на этотъ подвигъ Перегрина и его современники. **Barnays**, обсуждая возрѣннѣ древнихъ на способы лишения себя жизни, гыбствительно, приходитъ къ выводу, что пріемъ самоожженія рѣдко употреблялся у грековъ, но добровольная смерть въ огнѣ по индійскому способу со времени походовъ Александра Македонскаго была у всѣхъ на языкѣ. Именно въ Аѣнахъ, гдѣ долгое время пребывалъ Перегринъ, одинъ посланный къ Августу индеецъ, какъ гласитъ надпись, одѣтый только однимъ передникомъ, бросился въ горячую массу. Возможно, что примѣръ индійскаго самоотреченія воздѣйствовалъ на Перегрина, и онъ рѣшился повторить его дѣло ¹⁾).

Итакъ Перегринъ Лукіана, не смотря на всѣ старанія его біографа обратить его жизнь въ пасквиль на циниковъ, повсюду остается аѣнскимъ Перегриномъ, самоотреченнымъ и высокоправственнымъ циникомъ, выдерживающимъ свою роль до конца, и, за исключеніемъ предпринятаго имъ самоожженія, во всемъ его поведеніи нельзя указать ни одной черты, которая бы по существу создавала бы для него невозможность быть принятымъ въ христіанскую среду. Притомъ, Перегринъ, когда онъ вступалъ въ христіанское общество, не былъ еще циникомъ въ томъ официальном смыслѣ, въ какомъ употреблялся этотъ терминъ въ то время, когда не принималъ и торжественнаго посвященія въ циники и, по видимому, не облачался въ специальный костюмъ циника. Объ этомъ циникъ христіанинъ мы и поведемъ теперь рѣчь.

„Тогда онъ,—такъ начинается Лукіанъ свой рассказъ о Перегринѣ — христіанинѣ,—научился удивительной мудрости (*τὴν θαυμάσιαν* ²⁾ *σοφίαν*) христіанъ, съ пресвитерами и книжниками которыхъ онъ вращался въ Палестинѣ .., и въ долгое время они оказались предъ нимъ, какъ дѣти: онъ сдѣлался у нихъ пророкомъ, *θεολάτρος* (начальникомъ жертвоприношеній), *ἑρμηνεύων*,—короче, все во всемъ. Онъ толковалъ книги и многія составилъ самъ, посылалъ посланія во

¹⁾ *Barnays*, cit. op. ss. 56—16

²⁾ *θαυμάσιος*—удивительный, чудесный, странный; ὁ θαυμάσιος чудаковъ странный, удивительный человекъ.

всѣ значительные города (Сирін ¹⁾ съ убійцами, законами и посмертными завѣтами, и они считали его какъ бы за бога, признавали его законодателемъ *καὶ υροβάτην ἐπέγουρον* ²⁾ Между тѣмъ Перегринъ былъ захваченъ и заключенъ въ темницу Христіане приняи это, какъ общественное несчастье, и все привели въ движеніе при своихъ попыткахъ сдѣлать его свободнымъ. Но такъ какъ это казалось недостижимымъ, то они приложили свою энергію и не кое-какъ, но со всѣмъ стараніемъ и тщательностью. Еще раннимъ утромъ около темницъ можно было видѣть вдовъ и дѣтей сиротъ, руководящіе между ними люди подкупали стражей темницъ, чтобы можно было спать при немъ. Устраивавъ великодушныя обѣды, читались священныя изреченія и храбрый Перегринъ,—*это имя онъ еще носилъ тогда*,—считался у нихъ повымъ Сократомъ. И даже изъ некоторыхъ городовъ являлись къ нему христіане въ качествѣ представителей отъ своихъ общинъ, чтобы помочь, побесѣдовать и утѣшить мужа. И дѣйствительно у нихъ наблюдается какая то необыкновенная подвижность, если только какъ-нибудь будучъ затронуты ихъ общіе интересы, тогда ни что имъ ни дорого. Между тѣмъ Перегринъ освобожденъ быть изъ тюрьмы тогдашнимъ правителемъ Сирін: любитель философіи, онъ хорошо зналъ ихъ безуміе и что имъ пріятно умереть, чтобы чрезъ это наслѣдовать славу, и отпустить его, не признавая достойнымъ наказанія ³⁾. Немного спустя послѣ этого событія Перегринъ съѣлъ что-то запрещенное у христіанъ и долженъ былъ оставить ихъ общество“ ³⁾.

Картина прямо взята изъ жизни и подтверждается всѣми свѣдѣніями, которыя сохранились до насъ отъ христіанскихъ писателей 2-го вѣка. Въ Перегринѣ, обратившемся въ христіанство, нельзя не видѣть извѣстнаго Перегрина циника съ его высокой моралью и аскетическимъ образомъ жизни.

¹⁾ Ἐπιούρω, паразитъ; между прочимъ вноситъ въ списокъ: τοῖσι τοιούτοις ἐπ. многихъ набирать въ гражданъ *τροχτάτης*—патронъ метойховъ (иностранныхъ поселенцевъ) въ Афинахъ; онъ служилъ посредникомъ между метойхами и правительствомъ и даже частными гражданами; фраза Лукіана, слѣдовательно, значитъ: признали его своимъ законнымъ патрономъ.

²⁾ De morte Peregrini, c. 11—14 Jacobitz, III, 423—425.

³⁾ De morte Peregrini, c. 16 Jacobitz, III, 426.

Циники со своимъ возвышеннымъ нравственнымъ ученіемъ, отреченіемъ отъ всѣхъ общественныхъ благъ, кромѣ самыхъ необходимыхъ, и аскетическимъ образомъ жизни ближе подходили къ аскетическому христіанскому идеалу и легче, чѣмъ представители всѣхъ другихъ философскихъ школъ могли сближаться съ христіанствомъ. Прямую параллель подобнаго рода представлялъ собой Максимъ циникъ IV вѣка. Гражданинъ города Александріи, онъ получилъ хорошее образованіе, приличное его времени и, презрѣвъ богатство и роскошь, избралъ циническій образъ жизни, подобный древнимъ циникамъ. Философскій плацъ, однако, не помѣшалъ ему сдѣлаться членомъ церкви, и при томъ выдающимся. Среди церковныхъ дѣятелей своего времени онъ пользовался большимъ уваженіемъ и достигъ того, что сдѣлался епископомъ Кинстагипополя ¹⁾.—Опредѣленіе той должности, какую Перегрипъ занялъ въ христіанской общинѣ составляло для Лукіана, очевидно, трудную задачу. Онъ пользуется всевозможными терминами для того, чтобы дать своимъ современникамъ понятіе о высотѣ его званія, по сравненіи съ которыми остальные простые христіане являлись какъ бы дѣтьми. Онъ сдѣлался *пророкомъ*. Даръ пророчества существовалъ еще во второмъ вѣкѣ. По ученію 12 апостоловъ, написанному въ началѣ 2 столѣтія, пророки назывались первосвященниками (Did. XIII, 3): они принимали широкое участіе въ богослужебныхъ собраніяхъ, имѣли право совершать евхаристію, произносить евхаристическія молитвы и измѣнять ее по своему усмотрѣнію (Did. XI, 1). „Пророка,—говоритъ авторъ ученія,—не испытуйте и не судите, такъ какъ всякій грѣхъ будетъ прощенъ, а этотъ не прощается (Did. XI, 7)“. Всякій пророкъ и епископъ уже по самому своему званію распорядителя церковныхъ, богослужебныхъ собраній (*θυσιαρχος*) являлся и высшимъ органомъ церковной дисциплины (не точная фраза Лукіана „избра пи его законодатель“). По всемъ этимъ важнымъ проявленія своей высокой должности Перегрипъ могъ быть сравненъ съ архиепископомъ и патриархомъ въ Аѳинахъ (должностью, вполне понятною для читателей эллиновъ). *Онъ толковалъ книги и многія составилъ*

¹⁾ Подробности смотри въ нашемъ изслѣдованіи „Исторія догматическихъ движеній въ эпоху вселенскихъ соборовъ“, т. I, 1906, стр. 573—581

самъ Экзегезисъ священныхъ Писаній являлся не только обычнымъ занятіемъ, но и обязанностью епископовъ и не малое число епископовъ 2 вѣка заявило о себѣ литературною письменностью. *Посылалъ посланія во все значительныя города Сиріи*, съ увѣщаніями, поставленіями и послѣдними завѣтами ¹⁾. Достаточно прочесть письмо Игнатія антиохійскаго, одного изъ виднѣйшихъ епископовъ начала 2 вѣка, чтобы видѣть, какіе факты могъ имѣть въ виду здѣсь Луціанъ. Отъ него сохранились посланія къ Ефесянамъ, Магнезіянамъ, Траллійцамъ, Смирнянамъ и Филладельфіянамъ,—все города, принадлежашіе къ области Сиріи, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ Ефесъ, Смирна и Филладельфія могутъ быть причислены къ значительнымъ городамъ. Они все наполнены увѣщаніями (ad. Ephes. 3, 7. Magn. 7, 8 и мн. др.), законами (ad. Ephes 7, 8; Magn. 7, Brau. 2) и тѣмъ, что можно назвать предсмертными завѣтами (Ephes. 12, 22. Magn. 1, 4; Rom. 2). Изображеніе и восторженно составленное описаніе того всеобщаго волненія и тревоги, какія охватывало собою все христіанское общество при вѣсти о заключеніи какого-либо ихъ члена подъ стражу описываетъ самую героическую сторону христіанской жизни въ первые три вѣка, вѣка гоненій на христіанство, и доказывается цѣлымъ рядомъ фактовъ. „*Руководящіе люди подкупали стражу, чтобы спать при немъ*“. Подкупъ стражейъ темницъ, въ которыхъ заключались арестованные христіане, считался въ древней церкви дѣломъ самымъ обычнымъ; и въ немъ не видѣли какого-либо позорнаго поступка, какъ какъ онъ разсматривался, какъ протестъ противъ произвола и насилія. Игнатій, еп. антиохійскій, посланный на казнь въ Римъ за исповѣданіе христіанства, пишетъ по адресу римской церкви: „на пути изъ Сиріи до Рима.. я борюсь со звѣрями, десятью леопардами (т. е. отрядомъ войскъ), которые отъ *благодѣяній* оказываемыхъ имъ становятся еще злѣе“ (с. V). Онъ умоляетъ римлянъ не оказывать ему неблаговременной любви и не препятствовать ему добровольно умереть за Бога,—рѣчь идетъ опять о подкупѣ (с. 4). Рождественникъ Перпетуи и два дьякона Терцій и Помпоній получили свободный доступъ въ темницу и, подкушавши стражу, добились того, что заключен-

1) С. 41. Jacobitz, III, 437.

нымъ тамъ христіанамъ доставили на нѣкоторое время отдѣльное помѣщеніе (Acto Perpet. et. Felic. с. XII). Апостольскія постановленія прямо предписываютъ: если какой христіанинъ за любовь къ Богу и вѣру въ Него осужденъ будетъ на позорище (гладиаторскія игры), или рудокопни, то не пренебрегайте имъ, но отъ своего нота и труда пошлите ему, чѣмъ итаться и что дать вошнамъ въ награду, чтобы онъ далъ ему облегченіе и пошеклись о немъ (V, 1). „Они читали свои священныя изреченія, устроили роскошныя обѣды и даже изъ нѣкоторыхъ городовъ азейской провинціи приходили къ нему христіане въ качества депутатовъ отъ своихъ общинъ, чтобы оказать заступничество, вести защиту и утѣшить мужа“ Какъ древній обычай церкви, Кипріяшъ упоминаетъ о діаконахъ, посѣщающихъ мучениковъ въ темницахъ, чтобы укрѣпить ихъ духовными совѣтами и чтеніемъ извлеченій изъ священныхъ писаній (ср. 5, 1), и ожидаетъ того же отъ пресвитеровъ, предупреждая о томъ, чтобы число посѣтителей мучениковъ не переходило въ большія голны, дабы изъ этого не возникло подозрѣнія и входъ въ темницы не былъ запрещенъ. Пудельсъ, начальникъ стражи при тюрьмѣ, въ которой помѣщены были захваченные въ Карфагенѣ христіане, итаетъ такое уваженіе къ нимъ, что допускаетъ въ тюрьму многихъ, дабы они могли облегчить другъ друга (Acta Perpet. et Felic. IX). *Устроили обѣды Общины, какъ и отдѣльные христіане, считали своимъ правсвѣннымъ долгомъ доставлять пищу заключеннымъ, какими бы прешятствіями она не сопровождалась.* Тертуліанъ, пресвитеръ Карфагенской церкви, даетъ по этому поводу цѣпныя указанія. „Церковь,—ишетъ онъ,—общая мать, наша занимается доставленіемъ вамъ пищи, въ которой вы имѣете нужду въ то время, какъ братья ваши посѣщаютъ васъ въ темницахъ для принесенія вамъ части плода отъ посильныхъ своихъ трудовъ (Ad. mart. 1)“. Въ жилищѣ темницы,—продолжаетъ онъ,—вышрываетъ ли душа болѣе, чѣмъ тѣло? Тѣло тугъ ничего не теряетъ: оно находитъ все нужное посредствомъ попеченія церкви ¹⁾ и любви *вѣрующихъ*, а отсюда и душа обрѣтаетъ всякую помощь (ibid. с. 11) ²⁾. Карфаген-

1) Доставленіе обычной пищи вѣрующими

2) Разаумѣются вечеря любви, агацы, на которыхъ въ эпоху Тертул-

скіе заключенные еще раше вызова на окончательный судъ поспѣшили совершить евхаристію (agape cenent. Ad. Petr. XVII). *Депутаты отъ городовъ.* Въ изображаемомъ здѣсь Луціаномъ явленіи можно усматривать воспроизведеніе одного факта изъ біографіи того же Пгнатія, епископа антиохійскаго. Во время его невольнаго путешествія въ столицу на казнь, онъ на нѣкоторое время оставался въ городѣ Смирнѣ, и здѣсь дѣйствительно пріивѣтствовали его депутаціи отъ многихъ церквей, хотя и съ другою цѣлью, чѣмъ та, которая намѣчается у Луціана. Такъ въ своемъ письмѣ къ Ефесянамъ онъ сообщаетъ: „я принялъ ваше многочисленное общество въ лицѣ Онисема, епископа (Ad Ephes. c. 1)“. (Ad Magn. (1. 2) „я удостоился видѣть васъ (магнезійскую общину) въ лицѣ епископа вашего Дамаса“. Ad Trall. епископъ Поллвіи, какъ представитель общины. *Пereгринъ былъ освобожденъ изъ темницы тогдашнимъ правителемъ Сиріи. Любитель философіи, онъ хорошо зналъ ихъ безуміе, что имъ пріятно умереть, чтобы чрезъ это насладоваться славою, и отпустилъ его на волю, не признавая его достойнымъ наказанія.* Въ эпоху Антошиновъ, когда христіане были отданы подъ полицейскій надзоръ мѣстной администраціи, правовое положеніе каждаго члена христіанскаго общества зависело отъ благоумотрѣнія высшаго административнаго лица провинціи. Гуманная религіозная политика и сравнительно благосклонное законодательство, изданное Антонинами касательно посядності христіанъ, создало для нихъ довольно мирное положеніе въ имперіи и настраивало правителей провинціи благосклоннѣе относиться къ нему. Такъ Цинцій Северъ самъ преподавалъ правила, какимъ образомъ христіане должны отвѣчать, чтобы быть отпущенными на волю. Веспроній Кандидъ признавалъ христіанъ только за людей возмутительныхъ а, не вѣдая имъ никакого политическаго преступленія, присуждалъ ихъ только къ публичному испрошенію покаянія Астеръ, поступившій нѣсколько жестоко при первоначальномъ допросѣ одного христіанина, потомъ отпустилъ его, не принося къ пришептійю жертвъ, предварительно заявивъ адвокатамъ и ассессо-

---

лава совершалась евхаристія, частицы которой доставлялись и заключеннымъ въ темницу, отсюда и душа обрѣтаетъ помощь.

рамы, что для него очень непріятно судить подобаго рода дѣла. Арріиі Антоніи преслѣдоваль малоазійскихъ христіанъ, но когда они всѣ явились предъ его судилище, то онъ, посадивъ нѣкоторыхъ въ темницу, другимъ сказалъ: „безумные! если вы хотите умереть, то развѣ у васъ нѣтъ веревокъ и пропастей“ (Tert. ad. Scapulam, 4, 5). Тѣмъ богѣ проконсулъ, любитель философіи, казнихъ было не мало въ вѣка Антоніновъ, могъ безпристрастнымъ окомъ взглянуть на обвиненіе Перегринна въ христіанствѣ — *Найдется у нихъ какой нибудь филияръ или пронырливый человекъ, умѣющій у нихъ воспользоваться обычнымъ порядкомъ вещей, то онъ тотчасъ же сдѣлается богатымъ, смѣясь надъ невѣжественными людьми.* Эта цѣлая фраза Лукіана хорошо объясняется словами Цельса. Перегринъ былъ между всѣмъ прочимъ и пророкомъ. „Есть многіе у нихъ, христіанъ,—пишетъ Цельсъ о христіанскихъ пророкахъ его времени,—которые, пользуясь всякимъ удобнымъ случаемъ, въ святилищахъ или въ ихъ всячески ломаются, какъ будто они одержимы пророческимъ экстазомъ. Другіе нище расхаживаютъ по городамъ и военнымъ лагерямъ и продѣлываютъ тѣ же самыя зрѣлища: у каждаго изъ нихъ не стоитъ дѣло за словомъ: каждый изъ нихъ проворно возглашаетъ: я Богъ, я сынъ Божій, я Духъ Св. Я пришелъ потому, что скоро будетъ кончина міра, а вы люди за свою неправду заслужили наказаніе. Я хочу спасти васъ, и вы увидите меня, снова приходящимъ съ небесной силой. Блаженъ тотъ, кто воздастъ мнѣ теперь почитаніе. Всѣ же прочіе будутъ преданы мною огню: вѣчный огонь когда пожретъ города, страны и народы... Къ этимъ страннымъ угрозамъ—продолжаетъ Цельсъ,—они примѣшивали странныя, безумныя и почти непонятныя слова, смыслъ которыхъ никакой разумный человекъ понять не можетъ,—такъ темны и непонятны ихъ слова, но за то первый попавшійся малоумный или болтушъ можетъ объяснить ихъ, какъ угодно. Этыхъ мнимыхъ пророковъ я самъ слышалъ не разъ собственными ушами (Orig. c. Celsum, VII, 8, 10)“ Пребываніе Перегринна у христіанъ ограничилось повидимому краткимъ срокомъ: онъ съѣлъ что-то неозвонительное у христіанъ и долженъ былъ оставить ихъ общество ¹⁾.

¹⁾ De mor Per. c. 11—14; Jacobitz, III, 423—425. ср. c. 16, Jacobitz, 426.

Важнѣйшимъ и самымъ интереснымъ въ церковно-историческомъ отношеніи является краткое, но богатое по содержанию сужденіе Лукіана, — вставленное между строкъ разсказа о Перегринѣ, — сужденіе его объ Основателѣ христіанства: „они (христіане) — пишутъ онъ, — еще и теперь высоко ¹⁾ почитаютъ распятаго въ Палестинѣ чловѣка, такъ какъ Онъ первый ввелъ въ жизнь эту новую мистерію ²⁾. Несчастные, они безусловно убѣждены, что, будучи безсмертными, они продолжать жизнь свою въ вѣчности, вслѣдствіе чего они презираютъ смерть, и многіе изъ нихъ добровольно жертвуютъ жизнью ³⁾. Ихъ первый законодатель внушилъ имъ убѣжденіе, что они тотчасъ же сдѣлаются между собой братьями, коль скоро отрекутся отъ греческихъ боговъ и начнутъ поклоняться распятому софисту и жить по его законамъ. Они презираютъ всѣ другія функціи жизни (*ἀπειρτων ἐξίσσης*) и считаютъ ихъ за ничто, хотя сами приняли его ученіе безъ всякихъ доказательствъ“ ³⁾.

Несомнѣнно, въ глазахъ самого Лукіана христіанство было ничѣмъ инымъ, какъ однимъ изъ тѣхъ многихъ религіозныхъ заблужденій, которыми такъ богато было его время. Оно, — это заблужденіе, — для него такъ очевидно, что онъ не думаетъ даже опровергать его: это жалкіе и несчастные люди, увлекшіеся ученіемъ распятаго въ Палестинѣ софиста. Но при всемъ этомъ своемъ презрѣніи къ христіанству, Лукіанъ сообщаетъ свои

¹⁾ *μέγαν* возможно чтеніе *μέγαν*. если бы это не нарушало контекста Ср. Verneau, cit. op. s. 119. — De morte Peregrini, c. II, Jacobitz, 423.

²⁾ Примѣры. „Измучались стояшіе кругомъ зрители, видя какъ мученики разсѣкаемы были бичами до самыхъ глубокихъ жилъ и артерій... подъ нихъ постилали морскія раковины и острые осколки, проводили ихъ чрезъ всѣ роды пытокъ и мученій и, наконецъ, отдавали на съѣденіе звѣрямъ Особенио прославился Германникъ: когда проконсулъ желалъ поколебать его и убѣждать пожалѣть его о своей ранней и цвѣтущей юности, онъ смѣло привлекъ къ себѣ звѣря, раздражилъ его. чтобы скорѣе избавиться отъ несправедливой и незаконной жизни пхъ (язычниковъ) (Euseb. Hist. eccl. IV, 15)“ — При говеніи въ Лионѣ при веденъ былъ къ проконсулу Реттій Эпагафъ, отличавшійся строгой жизнью. Онъ самъ выступилъ предъ проконсуломъ въ защиту христіанъ. Проконсулъ спросилъ. христіанинъ-ли ты; когда онъ громогласно исповѣдалъ себя христіаниномъ, проконсулъ тотчасъ же приговорилъ его къ смертной казни (Eus. H. E. V, 1)

³⁾ De morte Peregr. c. 13, Jacobitz. 424

свѣдѣнія о христіанствѣ,—поскольку они связываются съ именемъ Перегрина¹⁾,—хладнокровнымъ тономъ объективнаго наблюдателя, описывая ради явленій, къ которымъ онъ самъ не питаетъ никакого личнаго интереса. Въ этомъ отношеніи разсматриваемый отдѣлъ его о Перегринѣ рѣзкими чертами отличается отъ составленной имъ же самимъ біографіи Александра Абонопейскаго, гдѣ онъ не упускаетъ случая раскрыть все продолженіе этого шарлатана и опорочить его въ сужденіи общества. Никакой ясно выраженной ненависти къ христіанству, никакого сарказма или ироніи подмѣтить нельзя. Въ вѣкъ Лукіана христіанство распространилось повсюду: церковь получила выработанную организацію, сплотилось въ прочный организмъ. Интеллигентное греко-римское общество не могло не заинтересоваться этимъ загадочнымъ явленіемъ, скрывавшимся изъ глазъ общества, какъ тайная мистерія, и, вѣроятно, обсуждало его въ своихъ собраніяхъ, собирало о немъ все свѣдѣнія, какія еще проишлули въ его среду. Задача Лукіана и состояла въ томъ, чтобы сообщить своимъ современникамъ объ этомъ новомъ религіозномъ явленіи то, что онъ почерпнулъ изъ своихъ личныхъ наблюденій и тѣхъ слуховъ, какія были распространены въ его обществѣ, и въ нарисованной имъ картинѣ христіанскихъ вѣрованій и строя христіанскихъ общинъ не содержится не одного элемента, который могъ бы по существу позорить или порочить ее въ глазахъ зрителей. Напротивъ, въ живомъ и энергичномъ описаніи подвижности христіанъ, ихъ готовности принять все мѣры (все привести въ движеніе) и ничего не цѣнить при первой попыткѣ, когда затронуть ихъ интересы, чувствуется нечто большее, чѣмъ простая хладнокровная объективность,—по крайней мѣрѣ и некоторая доля удивленія предъ той загадочной силой, наблюдаемой у послѣдователей новой мистеріи. Вѣра въ безсмертіе и готовность христіанъ умереть—пункты для общественнаго мнѣнія того времени и религіознаго популярнаго міросозерцанія непріемлемые. О! несчастные,—восклицаетъ онъ. О, безумные,—говоритъ христіанамъ проконсулъ Аррій Антоній „Ду

¹⁾ Разсматривая исторію Перегрина, Лукіанъ дѣлаетъ особую замѣтку, тогда онъ назывался еще Перегриномъ, какъ бы отличая его отъ Теагена Перегрина

на.—учить Маркъ Аврелій.—должна быть готова покинуть гѣло, но эта готовность должна быть стѣисвѣемъ убѣжденія, а не простого упорства, какъ у христіанъ, и смерть нужно встрѣчать съ достоинствомъ и убѣждемъ, а не съ хвастовствомъ и ложнымъ блескомъ“ 1) —Законодатель христіанства для Лукіана конечно простой человѣкъ, *софистъ*, распятый въ Палестинѣ, но и это имя само по себѣ не заключаетъ въ себѣ ничего позорнаго или презрительнаго. Мы видѣли, какъ высоко поставлено было положеніе софистовъ въ вѣкъ Антониновъ, и въ устахъ Лукіана оно не могло имѣть другого смысла. Въ одномъ мѣстѣ Лукіанъ выражается: софистъ—это имя самое возвышенное и всюду чтимое (*τὸ σεμνολύτοιον καὶ πάντων ὄνομα σοφίστης*) 2) Нѣтъ никакого основанія думать, что этотъ терминъ примѣненъ имъ къ основателю христіанства въ какомъ-либо иномъ позорномъ значеніи. Такимъ образомъ, Лукіанъ Самосатскій лишь по ошибкѣ можетъ считаться врагомъ христіанства. Нѣкоторыя стороны ихъ жизни вызывали въ его думѣ частію недовольство, частію недоумѣніе, но ничего карикатурнаго или отталкивающаго не наблюдается въ томъ образѣ христіанства, какой имъ нарисованъ. Въ этомъ своемъ отношеніи къ христіанству Лукіанъ является прямою противоположностью своему современнику Фронтоу, стремившемуся собрать вмѣстѣ все то позорное и порочное, что соединилось въ греко-римскомъ мірѣ съ именемъ христіанина. Какъ объективный наблюдатель, Лукіанъ не вымышляетъ чего-либо придуманнаго и фантастическаго и рисуетъ живыя картины, прямо взятая изъ реальной дѣйствительности, описывая съ такою точностью главнѣйшія стороны христіанской жизни своего времени, что историкъ христіанства можетъ только поблагодарить его за богатая содержаніемъ сообщенія, подтверждающія и расширяющія прежнія свѣдѣнія, а иногда сообщающія и новое 3)

1) *Rethorum praeseptor*, с. 6 Jacobitz, III, 142.

2) *A. Harnack. Marcus Aurelius* (Hauck Real-Encyclop. s. 278.

3) Уже раннимъ утромъ къ темницѣ собираются вдовы и дѣти сиротъ 1 с. 12; Jacobitz, III, 424),—фактъ, неизвѣстный существующимъ историческимъ даннымъ. Весьма возможно, что вдовы и дѣти сиротъ собирались у темницъ заключенныхъ въ виду наплыва въ нихъ христіанъ въ той надеждѣ, что религиозный энтузіазмъ, охватившій ихъ, дастъ и имъ нѣкоторую матеріальную помощь.

Съ вопросомъ объ отношеиіи Лукіана къ христіанству тѣсно связывается другая очень сложная и запутанная проблема: знакомъ-ли онъ былъ съ христіанствомъ и его песовѣдниками только по лучшимъ наблюденіямъ и по тѣмъ свѣдѣніямъ, какія существовали въ его обществѣ, или онъ самостоятельно изучалъ какія-либо произведенія христіанскаго пера и изъ нихъ почерпалъ свои познанія о нихъ? Всѣ попытки доказать непосредственное пользованіе Лукіаномъ первоисточниками христіанскаго вѣроученія, книгами ветхаго и новаго Завета, какъ уже мы видѣли ¹⁾, опираются на слабую научную почву и едва-ли могутъ быть признаны убѣдительными. Не то нужно сказать вопросу объ отношеиіи Лукіана къ литературному наслѣдству, оставшемуся отъ Игнатія, епископа Антиохійскаго: здѣсь слѣды непосредственнаго пользованія, повидимому, очевидны... Къ тому же въ защиту этого тезиса вѣтаютъ, хотя и устарѣвшіе, но еще крупныя ученые авторитеты, какъ англійскій ученый Лайтфутъ и нѣмецкій Цанъ. „Въ первой части біографіи Перегрина,—пишетъ Лайтфутъ,—можно наблюдать языкъ Игнатія (De mort. Per. c. τὸν ἐν Συρίᾳ δεδεδμένον (заключеннаго въ Сиріи: Ign. ad. Ephes. 1 δεδεμένον ἀπο Συρίας ²⁾). Цанъ опирается главнымъ образомъ на два соотвѣтственныя мѣста: а) de mor. Per. c. 41: Iacob. III, 437: „καὶ τινὰ ἐπὶ τοῦτο πρόσθεντας ἐχειροτόνησαι νεκρογγύλλους καὶ νεότερο δρομοῦς προσαγορεύσας (сверхъ того нѣкоторыхъ изъ своихъ товарищей рукоположить послами (возможно чтеніе: пресвитерами), назвавъ ихъ вѣстниками мертвыхъ и посредниками съ живымъ міромъ): Ign. ad Polyc. 7: χειροτονῆσαι τινα, ὃν ἀγαπήτῶν λίαν ἔχετε καὶ ἄοκνον, ὡς θυνήσεται θεοδρομὸς καλεῖσθαι (избрать какого-либо возлюбленнаго вамъ и усерднаго мужа, который можетъ назваться боголюбивымъ); б) de mor. Peregr. ibid: φασὶ δὲ πάσαις σχεδὸν ταῖς ἐνδόξοις πόλεσιν ἐπιστολάς διαπεπέμβε (говорятъ, что онъ почти во всѣ пзвѣстнѣйшіе города разсылалъ посланія): Ign. ad Polyc. 8: ἐπὶ πάσαις ταῖς ἐκκλησίαις οὐ ἰδηγήθην γράψαι (Игн. ко всѣмъ церквамъ не

¹⁾ См. выше.

²⁾ Lichtfoot. The apocrotic fathers Second ed London, 1889, p. 344: я. ще одинаковое употребленіе у Игнатія и Лукіана термина *τελετη* (въ смыслѣ мистерій) таинство; тоже и у Цана Ignat. v antioch, cit. op. 358.

могъ написать... *γράφει τὰς ἐμπροσθεν ἐκκλησίας*—написанъ къ ближайшимъ церквамъ)“ Итакъ,—заключаетъ Цанъ,—прочно установлено, что Лукіанъ среди христіанскихъ сочиненій, какія онъ прилагаетъ къ дѣлу, имѣлъ у себя подъ руками посланія Игнатія Богоносца и среди нихъ письмо къ еп. Поликарпу въ дѣльномъ видѣ”¹⁾. Но и здѣсь, какъ это очевидно для всякаго, сопоставленія носятъ на себѣ случайный, искусственно подобранный и натянутый характеръ, далеко не оправдывающій тѣхъ важныхъ заключеній, какія изъ нихъ выводятся. Въ сущности весь вопросъ о непосредственномъ изученіи Лукіаномъ посланій Игнатія сводится къ тому тезису, что только при помощи аналогіи съ нѣкоторыми фактами изъ жизни этого замѣчательнаго церковнаго дѣятеля начала второго вѣка можно объяснить нѣкоторые пункты въ біографіи Перегрина христіанина (составленіе и разсылка писемъ по городамъ Сиріи, децутаціи отъ малоазійскихъ городовъ), но этотъ тезисъ, эти сопоставленія фактовъ, должно разсматривать не какъ доказательство личнаго изученія Лукіаномъ литературнаго наслѣдства, связаннаго съ именемъ Игнатія антиохійскаго, но какъ единственные примѣры, находящіеся въ распоряженіи историка христіанства, могущіе подтвердить фактическую правильность показаній Лукіана. Нужно помнить, что внутренняя, интимно-религіозная жизнь христіанъ первыхъ вѣковъ въ дошедшихъ до насъ свѣдѣніяхъ освѣщена очень блѣдно. При сильной религіозной возбужденности тогдашняго христіанства возможны были факты подобнаго рода въ жизни и другихъ лицъ, хотя историческихъ извѣстій о нихъ въ христіанскихъ источникахъ и не сохранилось. „Мы думаемъ,—справедливо замѣчаетъ Обэ,—что Лукіанъ не привязывался къ рабамъ и не конспировать исторію Игнатія и не воспроизводить Поликарпа, онъ рисовалъ не опредѣленную историческую личность въ частности, но составлялъ свой сатирическій разсказъ, свободно объединяя въ немъ различныя черты, получаемыя имъ изъ своихъ наблюденій и обществанныхъ слуховъ. Перегринъ его представляетъ собой нечто иное, какъ типъ, около котораго онъ структурировалъ факты и обстоятельства, замечавшіяся отъ различныхъ

¹⁾ Zahn, cit op s 527.

современныхъ эпизодовъ, изъ жизни и смерти различныхъ личностей, не отказываясь при этомъ отъ права разрисовывать ихъ своей фантазіей“ ¹⁾.

Поразившая всѣхъ геройская смерть Перегрина Протея уже у зрителей ея оставила сильное впечатлѣніе. Рассказывали, что, когда костеръ былъ зажженъ и Перегринъ полпаялся на него, случилось сильное землетрясеніе, сопровождаемое глухимъ ревомъ; изъ пламени костра вылетѣлъ коршунъ и, махая крыльями, человѣческимъ голосомъ зывалъ: „я оставлю землю и восхожу въ Олимпъ“ ²⁾ Многие, уходившіе отъ зрѣлища, глубоко вѣрили, что онъ остался въ живыхъ, и дѣйствительно одинъ почтенный мужъ еще на праздникъ въ Олимпіи рассказывалъ, какъ онъ видѣлъ Протея живымъ, прогуливающимся въ семиструнной галлерей въ бѣлой одеждѣ и съ головой, украшенной вѣнкомъ изъ маслины ³⁾. На почвѣ этихъ легендъ скоро сложился цѣлый культъ, посвященный почитанію Протея Сама Сивилла возвеличила его; пущено въ ходъ пророчество, гласившее: „по какъ только Протей, лучший изъ циниковъ, возжеть огонь въ роцѣ грозовыхъ облаковъ Зевса, бросится въ пламя и вознесется въ Олимпъ,—я воззову всѣхъ, питающихся плодами земного царства, почитать его, какъ почного демона. Ему принадлежитъ тронъ рядомъ съ Гефестомъ и владыкой Геракломъ“ ⁴⁾, и сейчасъ же явились люди, утверждавшіе, что они исцѣлились отъ перемежающейся лихорадки при помощи почного и, потому, явившагося къ нимъ ночью демона ⁵⁾. Протей былъ признанъ сыномъ Зевса, по имени Ураномъ, одареннымъ даромъ пророчества, и на мѣстѣ его самоожженія устроено было специальное закрытое святилище, въ которомъ прочествовать оракулъ Протея: появились у этого таинственнаго святилища особые жрецы, бившіе себя плетями, закалявшіе горячимъ желѣзомъ и продѣлывавшіе разные подобнаго рода фокусы ⁶⁾ и совершавшіе

¹⁾ Aubé, cit. op. s. 146.

²⁾ С 39; Jacobitz, p. 436.

³⁾ с. 40; Jacobitz, III, 346

⁴⁾ с. 41; Jacobitz, III, 436, 437.

⁵⁾ с. 28; Jacobitz, III, 431.

⁶⁾ Намеки на опыты циниковъ въ перенесеніи страданій. Саллюстій рассказываетъ о своемъ современникѣ Смплиціи, какъ онъ на свои ноги ляжки клалъ горячіе угли и внимательно наблюдалъ, сколько времени

на мѣсть сожженія Протея почвныя мистеріи ¹⁾. Скоро стали воздвигаться ему статуи, начиная съ елейцевъ, во всѣхъ городахъ Греціи ²⁾. Центромъ же почитанія остался родной его городъ Парій, гдѣ находилась статуя его, издававшая прорицанія ³⁾. Пилигримъ-Протеи является еще лишнимъ примѣромъ религіознаго суевѣрія, охватившаго греко-римское общество въ эпоху Антониновъ и той легкости, съ какою простые люди возводились въ божественное достоинство. Онъ родной братъ Александра Абонотейхскаго.

Лучшую характеристику Лукіана, какъ литературнаго дѣятеля и оцѣнку его трудовъ далъ Фотій, патріархъ Константинопольскій въ своей библіотекѣ: „прочтена книга Лукіана о Фаларидѣ, его діалоги, посвященные умершимъ и друзьямъ и другія сочиненія по разнымъ вопросамъ. Въ нихъ онъ осмѣиваетъ почти весь эллинизмъ, ихъ пустыя и глупыя измышленія боговъ, доходящія до высшей точки распущенности и невоздержности, чудаческія мысли ихъ поэтовъ, самохвалный нравъ философовъ, выражающійся ни въ чемъ иномъ, какъ только въ лицемѣріи и пустыхъ разсужденіяхъ. Короче осмѣяніе эллинизма есть главный предметъ его въ прозаической рѣчи, и онъ не ставитъ для себя никакой болѣе возвышенной цѣли... Слогъ его для чтенія ясный и сильный, отличающійся выразительностью и красивыми оборотами. Онъ любитъ правильнаго распорядка и чистоты рѣчи, соединенной съ блестящей и симметричной возвышенностью стили, и обычнымъ приемомъ его было такъ гармонично построить свои рѣчи, что читающимъ имъ кажется, что они воспринимаютъ не простыя слова, а пріятную мелодію, вливающуюся въ ихъ уши... Все обращая въ комедію и осмѣяніе, онъ нигдѣ опредѣленно не высказывается о томъ, что онъ обоготворяетъ“ ⁴⁾.

А. Спасскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

онъ можетъ продержатъ ихъ. О бичеваніяхъ тѣла тамъ же, отсюда и самый вопросъ объ особыхъ жрецахъ Протея остается открытымъ.

¹⁾ С 28; Jacobitz, III, 431.

²⁾ С. 41; Jacobitz, III, 436. 437.

³⁾ Athen Suppl. pro christ с 26.

⁴⁾ Photii Bibliotheca, ed Beckeri Berolini, 1824 t I, с. 128, p. 96. Оче видно, Фотій въ сочиненіяхъ Лукіана не усмотрѣлъ ничего враждебнаго христіанству